

Leontij Mironiuk

Культура ПОЛЬСКО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ : ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Acta Polono-Ruthenica 1, 177-184

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

II. POWIĄZANIA JĘZYKOWE

Leontij Mironiuk
Olsztyn

Культура польско-восточнославянского пограничья. Лингвистические аспекты изучения

Для того, чтобы раскрыть специфику понятия „феномен культуры пограничья” с лингвистической точки зрения, необходимо выяснить - прежде всего - два основных вопроса: а) типология славянских взаимоотношений и взаимосвязей в данном регионе, б) специфика и типология билингвизма и мультилингвизма пограничья.

Типология славянских взаимосвязей и взаимоотношений основывается на комплексе генеалогической, типологической и функциональной классификации славянских языков и конкретизируется нами как типология *о б щ е с л а в я н с к а я*, *в н у т р и г р у п п о в а я* (например: русский-украинский-белорусский, или Р - У - Б) и *м е ж г р у п п о в а я* (например: русско-болгарская, Р - Б или польско-украинская, П - У). В теоретическом плане определение межгрупповых типов уже выходит за рамки одной генеалогической классификации и базируется на сугубо типологических критериях, предложенных профессором Н.С. Трубецким, а именно - на связи с определенной языковой традицией: тип А - русский и болгарский языки, основанные на церковнославянской традиции; тип Б - западнославянские языки и украинский, связанные с чешско-польской традицией; тип В - сербский, хорватский и словенский (с „ну-

левой” традицией).¹ В этом аспекте украинский и белорусский языки являются членами не одной, а двух типологических линий развития, или типов взаимоотношений: Р - У - Б и П - У - Б, причем второй тип - оказывается межгрупповым в плане происхождения и внутригрупповым с точки зрения типологии. Эту сложную связь генеалогического и типологического необходимо постоянно иметь в виду при сравнительно-сопоставительных исследованиях. Профессор Д. Брозович, например, вообще считает, что украинский и белорусский языки в рамках славянской языковой семьи входят в два языковых союза: 1. русско-украинско-белорусского и 2. польско-украинско-белорусского.²

В этом плане украинский и белорусский языки являются языками смешанной типологии и представляют собой сложные системы как одноуровневых, так и межуровневых типологических цепочек, ср.: а) западнославянская типологическая цепочка: *małrować* - мавпувати - малпавачь; *raczkować* - рачкувати - рачкавачь и др; б) восточнославянская типологическая цепочка: *nasobaczyć* - насобачитися - насабачыцца; *iszczyć* - ишачить - ішачити - ішачыць и пр. Еще ярче проявляются западнославянские типологические черты в украинском синтаксисе. Здесь уместно сослаться на одного уважаемого автора из центральной России, которой исследует способы выражения глагольного и смешанного составного сказуемого в славянских языках (польско-русско-украинские параллели). Приводимые им примеры явно свидетельствуют о единой типологической модели в польском и украинском языках, ср.: „Miał jechać na stację” - „Мав їхати на станцію” (в отличие от русского: „Он должен был ехать на станцию”); „Trzeba zawsze podawać rękę nowym ludziom” - „Треба завжди подавати руку новим людям” (рус. „Всегда следует протягивать руку новым людям”) и др. Несмотря на почти полное совпадение анализируемых конструкций в польском и украинском языках, автор не замечает их типологической близости, а лишь осторожно отмечает, что „Украинский же язык является свя-

¹ Н.И. Толстой, *Мысли Н.С. Трубецкого о русском и других славянских языках*, [в:] *Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. Сборник научных работ*, Калинин 1981, с. 114-115.

² Д. Брозович, *Славянские стандартные языки и сравнительный метод*, „Вопросы языкознания”, 1987, № 1, с. 11.

зующим звеном, проливающим свет на определенные явления польского и русского языков”.³ Это едва ли не образчик эзопова языка, подменяющего точность типологической характеристики сопоставляемых языковых фактов.

В аспекте семантической типологии частей речи польского и восточнославянских языков еще далеко не исчерпаны потенциальные возможности классификации, предложенной в свое время профессором Тадеушем Милевским, а именно: а) словарная система (система слов-наименований); б) система местоимений; в) система счетных слов и др.⁴ Так, известно, какую большую роль отводили генеративисты (Ноам Хомский и его последователи) роли местоимений в распределении информации, содержащейся в тексте. В аспекте культуры пограничья особое значение приобретает теория параметров, определяющих возможность или же невозможность опускать местоименное подлежащее, ср.: ит. *parla* „он говорит” по сравнению с англ. *he speaks* (так называемый *pro-drop parameter* - параметр „опускаемого местоимения”).⁵ В самом деле, анализ русских и украинских школьных учебников, выпущенных в Польше, показал, что неоправданное опускание личного местоимения относится к числу, пожалуй, самых распространенных стилистических ошибок, ср.: укр. „Поясни, як розумієш історичну назву Русь” (вместо „Поясни, як ти розумієш...”); рус. „Скажи, как представляешь себе русскую избу” (вместо „Скажи, как ты представляешь себе...”) и многие другие.

Анализ многих языковых категорий в типологическом аспекте позволяет по-новому взглянуть на специфику их выражения и функционирования в современных славянских языках. Так, билингвистический и мультилингвистический метод описания глаголов подводит к выводу о том, что категория возвратности (и шире - ре-

³ В. Аскоченская, *Выражение глагольного и смешанного составного сказуемого в славянских языках (польско-украинские параллели, [в:] Polsko-wschodniosłowiańskie powiązania kulturowe, literackie i językowe. 2. Językoznawstwo i translatoryka, Olsztyn 1995, с. 174.*

⁴ Т. Milewski, *Wstęp do językoznawstwa, Warszawa 1974, с. 169.*

⁵ Цитирую по: Е.С. Кубрякова, *Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа), [в:] Язык и наука конца 20 века, Москва 1995, с. 197.*

флексивности) оперирует не только постфиксом *-ся*, но и другими морфологическими формантами. Об этом свидетельствуют следующие русско-польские и украинско-польские глагольные эквиваленты, ср.: а) *покраснеть до корней волос* - *zaczzerwienić się po same uszy*; б) пол. *rozbestwić się* - рус. *остервенеть* - *остервениться*; с указанным польским глаголом соотносится и украинский *остервеніти* в том же значении, что и русские „остервенеть” и „остервениться”. Следовательно, русский суффикс *-е-* и украинский *-і-* являются синонимами постфикса *-ся*, поскольку в равной мере способствуют выражению семы „возвратность”. Здесь имеет место процесс уточнения и расширения категории возвратности, подобный тому, что наблюдается и с категорией повелительного наклонения в результате выделения директивов. Следует, однако, не смешивать „возвратность” и „становление”, тем более, что формальные признаки этих категорий часто совпадают, ср.: рус. *русеть*₁ (становиться русскими по языку, обычаю и т.п.) - укр. *русифікуватися*; разг. *російшитися*; *русеть*₂ (становиться русым) - укр. *русявіти* (*Русско-украинский словарь: В 3-х т.*, т. 2, Киев 1968, с. 213). В польском языке этим русским омонимам соответствуют два однокорневых глагола - *rusyfikować się* и *ruszczyć* - в значении „русифицироваться, русеть” (*Wielki słownik polsko-rosyjski*, т. 1-2, Москва - Warszawa 1988, с. 310). Категория возвратности в польском языке, очевидно, представлена гораздо шире, чем в украинском или русском, поскольку в сферу ее выражения включены не только глаголы, но и отглагольные существительные, ср.: *Janek spędza młodość w małym miasteczku pod opieką swojej matki, znanej ze złego prowadzenia się; laska służy do podpierania się* и др.

В плане проблематики „культура пограничья” следует детальнее разработать проблему „двуязычие сверху” (городское пограничье) и „двуязычие снизу” (т.е. собственно „двуязычие в пограничье” - термин Богуслава Гавранека). Изучение последнего явления усложняется еще и тем, что в самой русской системе „язык - речь” наблюдается собственное двуязычие, связанное с функционированием двух языков - русского классического и русского советского, или новояза. Так, название „Кенигсберг” - это элемент классического русского языка, ср. у Николая Карамзина: „В Кенигсберге [...] был

я у славного Канта, глубокомысленного, тонкого метафизика”.⁶ В русском советском языке бытует название „Калининград”. Однако здесь, как и во всех аналогичных случаях, срабатывает принцип п а л и м п с е с т а (т.е. выявления более древнего пласта), поэтически выраженного Анной Ахматовой во вступлении к *Поэме без героя*:

... а так как мне бумаги не хватило,
я на твоём пишу черновике.
И вот чужое слово проступает
и, как тогда снежника на руке,
доверчиво и без упрёка тает
(выделено автором - Л.М.)⁷

Так и с „Калининградом”: на лобовом стекле автобуса висит табличка „Калининград - Ольштын”, а по бокам - крупно разрисовано „Кёнигавто” и пр.

Различные культурные ассоциации связаны и с наименованиями „Петербург” - „Санкт-Петербург” - „Ленинград”, ср.: Петербург Пушкина, роман *Петербург* Андрея Белого, вошедшая в мировой культурный контекст песня *The bells of Saint-Petersburg*, известная в России как *Вечерний звон*. Вряд ли может им противостоять советская скороговорка „Если вещь из Ленинграда, Значит, сделана как надо” и пр. В самом „Петербурге - Ленинграде” вследствие переименований на советский лад были утрачены многие ассоциативные (и даже – деривативно-ассоциативные) связи, объединяющие некогда носителей русского и польского языков. Так, в польском языке функционирует слово „landrynka”, которое ни о чем не говорит современному россиянину. Однако в начале нынешнего века в Петербурге была кондитерская фабрика Ландрин, вскоре переименованная в фабрику имени товарища Микояна в честь его монаршего посещения славного города Ленинграда. „Ландрин”, „ландринка” часто встречались в текстах русской литературы вплоть до

⁶ Н. Карамзин, *Письма русского путешественника*, [в:] Н.М. Карамзин, *Сочинения: В 2-х т.*, т. 1, Ленинград 1984, с. 73.

⁷ А. Ахматова, *Поэма без героя*. [в:] А. Ахматова, *Стихотворения и поэмы*, Ленинград 1976, с. 353.

начала эры соцреализма, ср.: „В то же утро я залез в люк под террасой и нашел там [...] большую жестяную банку с надписью „Монпасье Ландрин”⁸. Подобных примеров можно было бы привести огромное количество.

В языковой практике жителей пограничных городов широко бытуют слова **огаможение**, **огаможивание**, **кантор**. В более отдаленных от границы русских и украинских городах „канторы” именуется „пунктами обмена валют”, в чем явно проявляется языковая интерференция: слово „валюта” (ср.: деньги в разной валюте) употребляется только в единственном числе, что было еще раз подчеркнуто в *Словаре перестройки* (Санкт-Петербург 1992). Эти и им подобные факты могут стать предметом своеобразной „лингвистики пограничья”, которой должны заняться - прежде всего - исследователи Калининградского университета и Института восточнославянской филологии Высшей педагогической школы в Ольштыне.

Особая проблема – Культура пограничья и русский мат, русский стеб. Лингвисты отмечают, что русские обцензизмы все активнее завоевывают не только европейское, но и американское культурное пространство. Об этом свидетельствует изучение произведений русских „стебщиков” (Тимур Кибиров, Владимир Сорокин, Эдуард Лимонов и др.) за пределами России, театральные турне („шумный успех” пьесы Александра Шипенко *Я люблю тебя, жизнь!* и пр.), различные лексикографические источники (словари русских обцензизмов в Европе и Америке). Филология не имеет права отмахиваться от этих фактов и оставлять их вне поля своего зрения. Каковы же возможные пути их описания и исследования? Во-первых, в аспекте той же самой „лингвистики пограничья”, ибо соотношение „мат - стеб - литературный язык” – это также своеобразное языковое пограничье. Во-вторых, проблема „мат - стеб” начинает приобретать теоретическое обоснование. Так, Андрей Битов в известной работе *Повторение непройденного* различает две линии развития классического русского языка: 1. пушкинская (канонизированная) и 2. барковская - от имени поэта Баркова (загнанная в подполье).⁹ В частности, произведения писателя Юза Алешковского,

⁸ К. Паустовский, *Повесть о жизни*, к. 4-6, Москва 1982, с. 159.

⁹ А. Битов, *Повторение непройденного*, „Знамя”, 1991, № 6, с. 195-197.

автора небезызвестных строк *Товарищ Сталин, вы большой ученый...*, Битов считает одним из характерных образцов развития барковского направления в русской литературе. Мне, например, хорошо известно, что в Америке готовится солидное исследование, посвященное языку и стилю повести Юза Алешковского *Синенький скромный платочек* (см.: журнал „Дружба народов”, 1991, № 7). Заинтересовались его творчеством также французские и немецкие филологи. Несомненно, изучение средств выражения „мата” и „стеба” позволяет лишней раз проверить специфику функционирования применяемых в обшценическом стиле общезыковых номинативно-деривационных моделей. Стеб, в частности, активизировался исключительно в условиях внутрирусского двуязычия, т.е. соотношения „русский классический язык - русский советский язык”, ср.: „Члены ЦК КПСС в полном составе на трибуне Мавзолея” и „И вновь я не замечен с Мавзолея”. Ленинская формулировка „победа революции в одной, отдельно взятой стране” и стебовская „В одной, отдельно взявшейся стране” и пр. Думается, что еще долго будут пародироваться и „ленинский броневик”, и „шалаш в Разливе”, и „произведения и речи дорогого Леонида Ильича”, гипсовые „девушка с веслом” и „пионер с горном” и многое другое. Ибо история, как известно, в первый раз воспринимается как трагедия, а во второй раз - как фарс.

Наконец, лингвистика конца XX - начала XXI века будет все глубже решать сугубо культурные и культурологические проблемы языков и их структурно-системных уровней. К числу таких проблем, касающихся нашего региона, следует, очевидно, отнести:

- культурологические функции польского и восточнославянских языков и языковых текстов;
- семантические, грамматические и прагматические категории польского и восточнославянских языков в аспекте культуры;
- европейская языковая модель в аспекте культурных традиций польского и восточнославянских народов;
- язык науки и интернационализация лингвистической терминологии;
- польско-восточнославянское пограничье и лексикография;
- языковой этикет и способы его выражения (на фоне прогрессирующей обшцензации);

- исследования изменений в области профессиональных языков и пр.

К комплексу названных проблем примыкает, безусловно, и проблема изучения дидактического аспекта культуры пограничья. Этому вопросу должна быть посвящена отдельная конференция, выводы и рекомендации которой могут быть использованы в практике преподавания русского языка в сложных современных условиях.